

Баринов Александр

Роковая любовь первого секретаря

С его именем связаны массовые и необоснованные репрессии в Читинской области

Историки всё больше узнают о трагическом времени политических репрессий 30-50-х годов XX века, но вопросов меньше не становится. Дело в том, что как в период «Большого террора» 30-х годов огульно арестовывали и расстреливали массу и правых, и виноватых, так в 50-е годы (особенно после осуждения культа личности Сталина) огульно оправдывали вновь и правых, и виноватых. Среди них был один из тех, с чьим именем связаны массовые и необоснованные репрессии в Читинской области в 1937-1938 годах. Это самый первый 1-й секретарь обкома компартии в созданной в 1937 году Читинской области Иван Васильевич Муругов. Он сам был осуждён, расстрелян и... реабилитирован.

Не романтик

В советский период на имени этого человека, несмотря на его реабилитацию, было наложено своего рода «табу». Его биография была практически неизвестна. Лишь в XXI веке усилиями историков, как местных, так и московских, она была хотя бы частично восстановлена.

Родился Иван Муругов в 1897 году в селе Уваз Рязанской губернии в крестьянской семье. Его отец был середняком. Неслучайно Иван сначала, когда ему было 12 лет, окончил в родном селе начальную школу, а затем в 1914 году в селе Александровка соседней

Тамбовской губернии – учительскую школу, получив к 17 годам неплохое по сельским меркам образование.

В армию крестьянина Ивана Муругова призвали в 1916 году, когда ему было уже 19 лет. Попал грамотный парень в артиллерию, став канониром. Успел немного повоевать, служа в батареях 14-го армейского корпуса. После Февраля 1917 года канонир Иван Муругов избран председателем солдатского комитета этого корпуса, а уже в апреле связал свою судьбу с партией большевиков.

Он не был ни интеллектуалом, ни романтиком революции, просто выбрал партию, наиболее популярную в тот момент в солдатской среде.

Избранный солдатами корпуса, он стал делегатом II Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, утвердившего победу Октябрьской революции 1917 года и избравшего первое советское правительство. После демобилизации в марте 1918 года большевик Муругов вернулся на малую родину и сразу стал активным советским работником.

Советский карьерист

В июне 1920 года Муругов вдруг оказался далеко от родной Рязанщины – его назначили работать секретарём Царицынского (современного Волгограда) губкома РКП(б) и одновременно председателем губернского исполкома Советов. С этого момента Иван Васильевич попал в ряды партийной номенклатуры, которой с 1922 года начал командовать первый генеральный секретарь партии Иосиф Сталин. Начался его путь в партийно-советские «князьки».

Именно с 1922 года Иван Васильевич обосновывается в Москве, где учится и работает. Два года он – слушатель курсов марксизма при Соцакадемии. К его сельскому школьному образованию это была серьёзная подпорка. На XIII съезде РКП(б) Муругова избрали членом Центральной контрольной комиссии (ЦКК), второго по значимости (после ЦК) органа в партии большевиков. Три года он работал в аппарате этого «карательного» (к примеру, контроль за проведением чисток в партии, наказание высокопоставленных партийцев принадлежал именно ЦКК) органа партии.

Потом снова учёба, получение своего рода высшего образования. Муругов – слушатель Института красной профессуры. Учился он, видимо, усердно. По окончании его в 1930 году Ивана Васильевича назначили заместителем директора этого института и тогда же отправили почти на год заниматься «научной работой» в... Германию.

По возвращении в 1931 году он попадает в аппарат ЦК ВКП(б), в котором становится зав. сектором преподавания марксизма-ленинизма Культпропотдела ЦК. Пропагандист и идеолог, беспредельно верный генсеку Иосифу Сталину.

В 1934 году его вновь перевели в аппарат ЦКК. В том же году на 17-м съезде партии, который сначала называли «съездом победителей», а

спустя десятилетия «съездом расстрелянных победителей», его вновь избрали членом КПК.

И до 1936 года Иван Муругов – высокопоставленный руководящий работник партии. Уже тогда у него начала «кружиться голова», а сам он начал «бронзоветь». Испытание «медными трубами» крестьянскому сыну оказалось не по зубам.

Одна из загадок этого большого периода его биографии состоит в том, что неизвестно, был ли он женат. Думается, что был. Но о его первой или первых семьях ничего не известно. А в бытность его работником ЦКК у Муругова закурился, как оказалось, роковой для него роман.

7 июня 1939 года Лаврентий Берия, в ноябре 1938 года ставший наркомом НКВД, в письме Сталину сообщал, что жена секретаря Читинского обкома ВКП(б) Иоганна Александровна Муругова является польской шпионкой, которую её любовник и резидент этой же разведки, некий Г.П. Жарковский, «специально подставил к Муругову И.В., работавшему в тот период в аппарате ЦК ВКП(б)».

Но всё это стало известно позже, а пока же в 1937–1938 годах Муругов и его молодая супруга стали, можно сказать, полновластными хозяевами Читинской области. Это был пик карьеры крестьянского сына.

«Из грязи в князи»

Он буквально купался во власти и в... крови жертв. Если в первом полугодии 1937 года, по данным краеведа Алексея Владимировича Соловьёва, были арестованы 438 человек, то во второй половине года – 5 898 человек. И подавляющее большинство арестованных в ходе изуверских методов следствия были вынуждены дать признательные показания, после чего многие из них были расстреляны. *«Продолжая нагнетать обстановку шпиономании и поиска диверсантов, – писал историк Владимир Исакович Василевский, – Муругов фактически поощрял фальсификацию многочисленных дел о готовящихся террористических актах против его персоны».*

Владимир Василевский: «Одним из них стало дело о якобы умышленно устроенном около станции Тайдут крушении товарного поезда, к которому был прицеплен служебный вагон секретаря обкома. По мнимому покушению на Муругова были арестованы до 90 железнодорожников, 20 человек из которых были расстреляны».

При этом он, на пару с начальником Управления НКВД Григорием Хорхориным буквально купался в роскоши. *«Прибыв в Читку, Муругов получил пятикомнатную квартиру, – писал Василевский, – но очень скоро он выразил желание получить квартиру в помещении дипломатического агентства. Секретарь агентства Кузнецов высказался против и апеллировал в Москву. Результат не заставил себя долго ждать. Кузнецов был обвинён в шпионаже и арестован, а в доме появились новые жильцы – Муругов и Хорхорин».*

А вскоре в живописном районе около Ингоды началось строительство дач для обкомовских работников, получивших у читинцев название «муруговских». Более того, на первомайские и ноябрьские демонстрации в 1938 году наряду с портретами членов Политбюро начали носить и его портреты.

И тут во многом его явно «подзуживала» его молодая супруга. На тюремном фото она выглядит не просто скромной, а несчастной. В той же «княжеской» жизни она была явно другой. *«Стоило только коммунистке Белолипецкой выразить недовольство увольнением двух коммунистов, чтобы освободить место жене Муругова, – писал Владимир Исакович, – как в отношении её сразу же были сделаны соответствующие выводы».*

Когда же «мадам» захотелось иметь в московской квартире пианино, его тут же туда отправили, причём за партийные деньги. Вообще Муругов всё чаще начал путать свой, партийный, а то и государственный, карманы. Позже ему было предъявлено обвинение в растрате 100 тысяч рублей и присвоение государственного имущества. Красивая жизнь требовала немалых средств.

«Потерявший голову»

А тем временем сотрудники госбезопасности всё плотнее обкладывали его супругу. Позже выяснится, что в это время она была беременной. Узнав об аресте близкого к ней ещё одного сотрудника Г.П. Жарковского Л.Ф. Давидовича, она запаниковала и бросилась в Москву. А там её 9 июня 1939 года арестовали. К тому времени уже были арестованы и бывший нарком НКВД Ежов, и многие его соратники на местах, творившие «Большой террор», включая начальника Читинского управления НКВД Хорхорина. В стране началась волна реабилитации, вошедшая в историю, как «бериевская». Вместе с тем органы НКВД начали серьёзную борьбу с реальной вражеской агентурой разных стран.

Муругов же, считая, что против его супруги просто плетут козни сотрудники НКВД, написал гневное письмо Иосифу Сталину. Сталину, у которого даже у части членов Политбюро жёны сидели в лагерях. Более того, Муругов посмел обвинить руководство НКВД в... невыполнении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Именно это постановление поставило крест на деятельности «князьков», подобных Муругову. Похоже, влюблённый совсем потерял голову.

Тогда-то и появилась обстоятельная записка Берии, где он, опираясь на данные своих сотрудников, обосновано доказывал то, что Муругова-Егорова Иоганна Александровна, 1905 года рождения, русская, москвичка, домохозяйка, жена 1-го секретаря Читинского обкома ВКП(б), является польской шпионкой.

На первом листе записки Берии Сталин написал:

«Т-щу Берия. Муругова, видимо, нерусская (поганка!), почему не выясняют национальность Муруговой? Нужно немедленно арестовать Муругову, Белову и Бельского и потом через них раскрыть шпионское гнездо в Чите. И. Сталин».

Было принято решение об исключении Муругова из членов ВКП(б) и членов Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б). Наряду с обвинениями в личной нескромности и растрате государственных средств Муругову также ставилась в вину *«вражеская практика неправильных арестов и осуждений»*.

Иван Муругов был арестован 7 сентября 1939 года. Его супругу расстреляли 9 марта 1940 года, а его – 27 июля 1941 года. Судьба ребёнка, который мог родиться в заключении, неизвестна.

Обоих реабилитировали в 1955 году.

[Александр Барин](#)
«Читинское обозрение»
№39 (1575) // 25.09.2019 г.